

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ГЕОПОЛИТИКИ

УДК 327

ГЕОКУЛЬТУРА РОССИИ КАК ГЕОПОЛИТИКА СПРАВЕДЛИВОСТИ

НУРЫШЕВ Г.Н.

АННОТАЦИЯ

В статье показано место геокультурных факторов в глобальном геополитическом пространстве. Определена роль геополитики справедливости России в геополитическом пространстве.

Ключевые слова: геокультура; символический капитал; геополитика справедливости; геополитическая субъектность; автостереотип.

GEOCULTURE RUSSIA AS GEOPOLITICS JUSTICE

NURYSHEV G.N.

ABSTRACT

The article shows the location of geo-cultural factors in the global geopolitical space. The role of Russian geopolitics of justice in the geopolitical space.

Keywords: geoculture; symbolic capital; equity geopolitics; geopolitical subjectivity; autostereotype.

Современный глобальный мир соответствует двоичной картине мира англо-американцев с утилитарным типом мышления. В таком мире утилитарный тип мышления Запада нарабатал соответствующие выигрышные модели геополитической экспансии. Американский геополитик Зб. Бжезинский назвал такую модель экспансии «Великой шахматной доской». Китай, в свою очередь, выработал триадные модели для реализации своей геополитики. Так, принятая КНР еще в 2005 году доктрина «всемирной гармонии» предусматривает создание «многополюсного мира». Согласно этой доктрине, китайцы в связках по три силы намеряют реализовать свою геостратегию мирного одоления «Трех Северов»: Североамериканских Соединенных Штатов, Североатлантического альянса (НАТО) и Севера Евразии (Россию за Уралом). Ибо, согласно Закону перемен, занятый Срединным государством Центр мира одолевает Север (земля поглощает воду). Исходя из такого понимания мировоззренческих, геокультурных основ геополитики США и КНР, Россия должна использовать свои

преимущества. Сильной стороной и стратегическим ресурсом России пока остается русская геокультура. Самая сильная сторона русской геокультуры – это задаваемый кодами русского языка троично-асимметричный тип мышления, способный к парадоксальному ответу, как на гибкую убедительную логику Запада, так и на жесткие схемы китайцев. Асимметричный ответ России на геополитические шаги США и КНР и её выход из создавшегося положения невозможен без перевода внимания с системных геополитических вопросов в надсистемные, без перехода от межгосударственных отношений к диалогу между цивилизациями, определения естественных преимуществ культуры наших народов и нахождения их достойного места в гармонии глобального человечества [1].

Наша цивилизация имеет определенные мировоззренческие корни, сакральные тексты, на которых зиждутся, в конечном счете, ее претензии на существование в настоящем и право на будущее. Одним из важнейших компонентов социокультурного кода, определяющего поведение нации, этноса, является представ-

ление о себе, некий образ народа, в данном случае русских, представление об их недостатках и достоинствах (так называемый автостереотип). В качестве таких базовых ценностей нашей цивилизации, на которые часто делают упор и философы, и простые люди выступают соборность, коллективизм, духовность, бескорыстие. Главный геополитический ресурс России на постсоветском пространстве – справедливость и доверие народов. Отказываясь от них, Россия обречена проигрывать и терять своих стратегических союзников.

Россия всегда была центром силы в евразийском пространстве, но самое главное, что она имела до сих пор, – это справедливость и мессианство. Именно поэтому лидер армянской партии «Новые времена» А. Карапетян отмечает: «Все тянулись к России именно как к очагу справедливости и мессианства. Она несла нашим народам культуру, через нее шла европеизация. К России тянулась не только элита, но и народы с пониманием того, что здесь их обязательно защитят от своих несправедливостей и чужих разбойников и рассудят. И это очень мощный инструмент, очень сильный козырь России. Америка при всей ее активности не может выступать в этой роли, у нее своя система интересов, которую все так или иначе учитывают, но она не будет арбитром, не будет независимым судьей. Потребность же в центре справедливости сегодня никуда не делась – народам нужен миф о стране, которая не даст в обиду, одернет неправедную власть, защитит от зла извне» [2].

Справедливость у нас всегда, базировалась на симбиозе личности с государством, что исключительно важно для понимания практических особенностей российской геокультуры. Именно в этом, правильно отмечает М. Делягин, заключается секрет колоссальной эффективности и жизнестойкости носителя русской культуры, действующего «заодно» со своим государством, когда «нам нет преград ни в море, ни на суше». В ситуациях же, когда государство по тем или иным причинам становится врагом своего народа, русская культура выводится «за скобки». В этом заключается одна из причин исключительно высокой роли инокультурных элементов в массовых (и особенно успешных) выступлениях против государства. В этом заключается и секрет полной беспомощности и неспособности носителя русской культуры даже к элементарной самоорганизации (русские – единственный народ мира, так и не создавший своей диаспоры в США) и самозащите

в ситуациях «оставленности» государством, что по своим трагическим последствиям напоминает последствия «богооставленности» для верующего.

И, тем не менее, ощущение государства, даже явно враждебного личности, как «своего» – одна из самых поразительных особенностей русской культуры, носители которого с легкостью прощают руководителям страны (да и любым «начальникам», являющимся их отражениями) то, десятую долю чего они не прощают своим ближайшим родственникам и друзьям. Слитность, неразделенность личности с государством обуславливает среди прочего и объективную безнадежность пересаживания на российскую почву западных демократических институтов (и всех остальных институтов, основанных на отдаленности личности от государства и от другой личности). Особенностью русской культуры является органическая неспособность ее носителя существовать без «сверхзадачи», без некоей цели, возвышающейся далеко над его повседневным существованием и придающей этому существованию философский смысл. Поэтому русскую цивилизацию может двигать вперед только надличностная идея, идея общего блага. Таковыми были идея православная («Москва – Третий Рим и четвертому не бывать!») и идея коммунистическая («Даешь первое в мире государство рабочих и крестьян!»).

Носитель русской культуры готов примириться с практически любым ущербом для себя (вплоть до лишения самой жизни), если по тем или иным причинам будет считать это справедливым. Недаром справедливость является основополагающей чертой русского национального характера, высшей абстрактной, отделенной от практических интересов отдельной личности, ценностью. Важным проявлением справедливости является требовательность к себе и ближайшим окружающим; в русской культуре права имеет лишь тот, кто живет справедливо, то есть, выполняя свои обязанности перед другими. Тот, кто пренебрегает интересами других, утрачивает, по крайней мере, частично, свои права как человека. Но эта требовательность не распространяется на «начальство», которое воспринимается как «явление», отгороженное от обычного человека. Потребность в «сверхзадаче» вместе с тягой к «справедливости» сформировали в рамках русской культуры весьма специфический тип трудовой мотивации, ориентированной на деньги лишь как символ этой справедливости.

Простое для нее материальное стимулирование оказывается эффективным лишь при наличии внятно осознаваемой «сверхзадачи» и одобрения окружающих, являющимся непосредственным доказательством «справедливости» деятельности одобряемого.

Следует отметить, что мнение о справедливости предполагает человеческое отношение к представителям других культур и народов. Понятие о справедливости русской национальной культуры предполагает и отсутствие представления об абсолютном зле (можно договариваться даже с бабой-ягой), что обеспечивает носителям русской культуры высокую гибкость и способность не только вести плодотворные переговоры, но и вызывать к себе долговременную симпатию (особенно по контрасту с носителями качественно иных культур) [3].

В современной России может идти речь только о создании общества национальной и социальной справедливости на русский манер, в соответствии с представлением о справедливости русского народа. В социальной области русское представление о справедливости предполагает распределение благ пропорционально вкладу каждого в жизнедеятельность всего народа. Положение людей в социальной иерархии, в том числе положение материальное, должно быть производным от количества, качества, результативности и общественной значимости результатов их труда на общее благо. При этом каждому, независимо от его трудоспособности, общество гарантирует прожиточный минимум (так русская община издревле поддерживала одиноких стариков, сирот, инвалидов). Справедливым является, прежде всего, общенародная форма собственности. Без нее реальное народовластие невозможно. Идея западного либерализма, абсолютизирующая права индивида, для русского социума является несправедливой, поэтому неприемлема. Европейец ощущает себя самодостаточным автономным целым, а русский – структурной частью единого целого, народа как самостоятельной биосоциальной сущности, как более сложной формы организации социума. Поэтому и приватизация начала 90-ых годов, и сильное расслоение общества в настоящее время воспринимаются как явно несправедливыми [4].

Еще до появления конвейера была выявлена непригодность к нему русской культуры: выполнять монотонные однородные операции просто скучно, и поэтому наша страна делала прекрасные относительно сложные

машины (вроде боевых самолетов) и хронически не справлялась с более массовым и более простым производством легковых автомобилей. Кстати сказать, бригадный подряд (вводимый в 70-е годы не только в нашей стране, но и, например, в Японии и США), позволял уйти от конвейера и расширить сферу компетенций каждого работника, сделав его труд более творческим (или хотя бы менее монотонным), что соответствовало объективным потребностям русской культуры. При бригадном подряде характер труда приближался к традиционному для нас артельному. Отсюда «русский способ производства» при правильном использовании способен вывести российское общество из положения заведомо непосильной для него конкуренции с Китаем (ибо мы как работники всегда будем стоять дороже и всегда будем менее организованными и трудолюбивыми) в положение гармонического дополнения его. Ведь культура Юго-Восточной Азии идеально соответствует потребностям именно конвейерного производства, – а русская культура позволяет развивать производство более сложных, «штучных» изделий [3].

Символический капитал русской культуры наделен, как тонко подмечает И. А. Василенко, огромной притягательной силой: в этом – исторический и геополитический шанс России в эпоху информационной революции. Несет это знамя – духовная элита общества, которая защищает и оберегает национальные святыни, укрепляет духовные бастионы цивилизации. Интересно, что классики русской школы геополитики хорошо осознавали важность символического капитала культуры в геополитической борьбе. Русские геополитические приоритеты со всей определенностью обозначили уже славянофилы и евразийцы. Для русского человека такое «кровное почвенничество» – отражение психологии людей, связанных со своей страной только через территорию. Евразийцы утверждали, что подлинная связь возможна для русского человека только через веру, рождающую любовь и подвиг, без которых невозможно удержать русское пространство.

Пафос русских геополитических побед рождается из народного духа. Русский символический капитал в геополитике – это вера в возможность последнего слова народа в борьбе за пространство, в реальность исторической удачи, сопутствующей сражениям за правое дело. Такая вера включает в себя допущение, что возможно полное исчезновение противоположности должного (геополитическое зада-

ние) и действительного (победа) через любовь и подвиг. Здесь происходит принципиальное приравнивание ценности (идеала) и факта. В этом смысле можно говорить об этическом натурализме русской геополитической школы, который выступает этикой геополитической воли, а не этикой регистрирующей оценки. Речь идет о предельной действенности добра как силы, о превращении геополитического императива (задания) в историческое предсказание через волевое действие народа. И чтобы это произошло, духовная элита, интеллигенция должна сказать свое слово: вдохнуть в народ пафос веры, выковать волю к победе.

Корень русских геополитических побед – в волевом самочувствии народа. Геополитическая карта мира открывается русскому человеку каждый раз в меру его исторической зоркости и волевой собранности – он видит в ней на каждом этапе истории то, что сам в силах в нее внести. Русская триада символического капитала в геополитике – вера, любовь и подвиг. Расшифровать эту символическую формулу можно так: только тогда народ способен на подвиг, когда национально мыслящая, переживающая за свой народ духовная элита высоко держит знамя любви и веры – к родной культуре, к своему народу [5, 6].

Но культура страны не может не проецироваться на ее внешнеполитическое действие, т.е. не став геокulturой. Союзники России – это страны, с которыми нас связывают некие душевные нити. И все равно, каковы сила и размеры этих стран. Такие страны – наше богатство. Часть из них сложились в таком качестве исторически, с ними нас связывает наше общее прошлое, если оно переживается как положительная ценность. Подобные государства есть и среди членов СНГ, и в различных частях мира. Их пока не так много, но по мере все более отчетливой артикуляции российских культурных тем (становления российской миссии в мировой политике) число этих стран будет возрастать. Через навык такого рода отношений мы сможем заново избирательно сближаться и с рядом европейских стран. К этому нас подталкивает мощный культурный пласт, который является у нас общим с некоторыми из них. Именно нашей культурно-ценностной аутентичностью будет определяться международная конкурентоспособность роль России в геополитических процессах. Иными словами, в будущем конкурентоспособность и суверенитет стран будут зависеть от места, которое занимает национальное мировоззре-

ние в глобальной конкуренции идей, а именно в ценностных процессах. Перспективы России также напрямую связаны с тем, станет ли идейная база нашего общества стимулом к созданию новых культурных феноменов. Или же мы будем довольствоваться «перемальыванием» того, что будет вкладываться в наши головы и души извне.

Поэтому внешняя политика России должна стать геокulturальной. Россия имеет возможность предлагать внешнеполитические действия, выражающие ее культурологические аспекты, провоцирующие Европу и Америку отвечать на них тоже культурно окрашенным действием [7].

Образная национальная стратегия – это жизненно важная составляющая геокulturы государств, которые культивируют целый «веер» образов, транслирующих свою уверенность и респектабельность в мире других государств и иных политических образований. Образ государства позволяет продвигать в глобальное политическое и культурное пространства автохтонные национальные символы, системы ценностей, стандарты производства и потребления, наконец, особые экзистенциальные стратегии, призванные служить примерами для других стран и регионов.

Внешний и внутренний геокulturальный образ страны, народа неразрывны с языком. «Великий, могучий, правдивый и свободный» язык мог создать только народ, наделенный теми же качествами. «Стало ясно, пишет Кавад Раш, секретарь Союза писателей России, что русский язык спасал нацию в любое лихолетье как некая таинственная, непостижимая духовная субстанция, запечатлевшая в себе тысячелетие трудов и переживаний народа и всех его сословий и групп, субстанция глубокая, как океан, и спасительная» [8].

Геокultura России как геополитика справедливо объективно проявляет себя в постсоветском пространстве. По мере того как реализуется американский сценарий перехвата контроля над бывшими советскими республиками, в национальных элитах все отчетливее обозначается новая – пророссийская – волна. Меняется не только риторика, но и приоритеты.

Представители национальных элит постсоветских республик начинают оказывать давление на Россию, искать ее поддержки, играть на ее противоречиях с США. История государственности в России – это история имперской государственности, и это заложено в ее

геополитических кодах. К тому же речь идет не о далеких заморских колониях, а о народах, живущих здесь, рядом, о странах, население которых до сих пор говорит на русском языке. И если мы в России пока вполне вяло обсуждаем все эти проблемы, то представители новых пророссийских элит постсоветских государств ждать не могут, они живут в куда более напряженной политической ситуации и в силу обстоятельств видят многое куда острее. В частности, для грузинских и украинских политиков уже нет вопроса о сохранении прежнего порядка вещей – «революции» там уже произошли, и сохранять более нечего. И цена «цивилизованного развода» им тоже известна. Потому их статьи и проекты важны не только как доказательство привлекательности России, не менее важно и то, какой им видится роль России, чего именно хотят от нее. И хотят они от России не танковых бросков и даже не многомиллионных финансовых вливаний – это само собой разумеется. Они на собственном опыте убедились, что сегодня основной силой становится геокультура – это сила национального проекта, системы идей и ценностей, способной привлечь и увлечь другие народы и элиты. Находясь в ситуации естественной борьбы с влиянием американского глобалистского проекта, деятели постсоветских стран далеко не всегда дают адекватные рекомендации, каким быть российскому геокультурному проекту.

Ясно, что альтернативой американскому проекту вовсе не обязательно должен быть антизападный проект: по сути дела, это будет тоже игрой по американскому сценарию. И уж совсем не обязательно, чтобы проект этот был крепко связан с нашим советским прошлым – мы сами не готовы к такому возвращению и уж тем более не способны никого увлечь этой идеей. Обязательно то, что у России должен быть свой геокультурный проект [9].

Отсюда весь культурный багаж России, накопленный за тысячелетия истории, может стать решающим фактором в предстоящей геокультурной конкуренции в глобальном геополитическом пространстве. Здесь свой вклад может внести и Русская православная церковь. Влияние иерархических и административных структур РПЦ на общество объясняется тем, что эти структуры в существующем на данный момент времени социальном и политическом поле занимают место исторической Русской православной церкви, одного из ведущих агентов всей русской истории. В свой «симво-

лический капитал» РПЦ зачисляет и ту роль, которую сыграла Церковь в деле формирования российской государственности. В церковных публикациях последнего времени все чаще встречается понятие «государствообразующая», когда заходит речь о преимуществах РПЦ перед другими «традиционными конфессиями» России.

Несмотря на то, что Киевская Русь возникла еще до крещения Руси, именно православие сделало власть великого князя легитимной, а в дальнейшем неперемным условием для восхождения на великокняжеский, царский или императорский престол стало церковное благословение. Даже советские историки признавали исключительную роль Церкви в деле объединения русских земель вокруг Москвы. Наконец, в основе российского законодательства вплоть до 1917 года (но особенно до Петра) лежало церковное право. Многовековая традиция восприятия РПЦ как института, дающего высшую санкцию на власть, выступающего высшим источником легитимности власти, сказывается и в наши дни. К «символическому капиталу» РПЦ относится и культурно-эстетическое наследие русского православия – иконопись, церковная архитектура, духовная музыка, богослужебные тексты и некоторые другие литературные произведения Древней Руси, предметы декоративно-прикладного искусства и т. п. Именно это наследие сформировало аутентичный облик русской культуры и продолжает оказывать значительное влияние на ее развитие. Отдел внешних церковных связей (ОВЦС) играет также ключевую роль в процессе постепенного превращения РПЦ в «субъект международного права». Такой статус нужен РПЦ, для приобретения большего веса во внутривнутриполитической сфере и международных отношениях. ОВЦС предпринял в последние годы несколько конкретных шагов по вхождению РПЦ в систему международных отношений – прежде всего, это открытие представительства Московского патриархата при Евросоюзе и заключение соглашения о сотрудничестве с Всемирным банком и т.д. Участвуя в международной политике, РПЦ использует и тот опыт, который был накоплен ею в советский период, когда она, как мы отмечали выше, нередко решала дипломатические задачи в интересах советского государства [10].

И пусть символический капитал культуры неосознаем и невещественен, его сила – в мистических межлических взаимодействиях, его нити уходят в неведомые тайники народ-

ной души. Вот почему духовное самоубийство России равносильно ее геополитическому самоубийству. Геополитическая борьба за пространство перестает быть междоусобицей в глазах русского человека только тогда, когда ведется за что-то (вера, идея), а не только против. И если сама воля к культуре заслоняется злобою дня, внутреннее обнищание и духовная гибель нации становятся неизбежными. Ни экономики, ни государственности, ни нации, ни мировой геополитической системы нельзя создать только по рациональному плану, поскольку единственная реальность и нации, и международного права, и мировой геополитической системы – в переживании людей, творящих эти процессы (экономический, государственный, правовой, геополитической). Именно поэтому геополитика начинается с культурного обновления, а не с экономической или государственной реставрации.

В связи с этим назрела необходимость создания надёжного идеологического фундамента, учитывающего геокультурные особенности и геополитические интересы нашей страны в мире. Россия должна стать мировой державой, активным субъектом в мировой геополитике. Не решая мировых проблем, не напрягаясь для решения сверхзадач, Россия быстро потеряет свою геополитическую субъектность [6].

Список литературы

1. Девятов А. Русский Восток. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zavtra.ru/cgi//veil//data/zavtra/10/885/23.html> (дата обращения 22. 09. 12).
2. Карапетян А. Геополитика справедливости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.expert.ru/printissues/expert/2006/42/interview_karapetyan/ (дата обращения 18.10.12).
3. Делягин М. Русская доля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zavtra.ru/cgi//veil//data/zavtra/09/829/31.html> (дата обращения 08.11.12).
4. Никитин А. Государствообразующему народу – государствообразующую идею // Знание – власть. – М., 2011. – № 28. – С.2.
5. Лукин В. Н., Мусиенко Т. В. Современные концепции безопасности человека: новые подходы // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – № 3. – 2013. – С. 7–11.
6. Василенко И. Символический капитал культуры в реалиях геополитической борьбы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bg-znanie.ru/article.php?nid=33302> (дата обращения 12. 09. 12).
7. Лурье С. Что за красной линией? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.perspectivy.info/print.php?ID=36163> (дата обращения 19.06.12).
8. Раш К. Язык – мера всех вещей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zavtra.ru/cgi//veil//data/zavtra/10/862/41.html> (дата обращения 27.12.12).
9. Громов А. Россия, которую они ищут. [Электронный ресурс]. Режим доступа: – <http://www.expert.ru/printissues/expert/2005/31/31lexkomm/> (дата обращения 09.08.12).
10. Солдатов А. Священный «капитал» и его «олигархи»: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=1&article=93> (дата обращения 17.09.12).